

Тема истории в лирике А.Жигулина 1980-х годов

Марфин Г.В.

Тема истории всегда занимала одно из ведущих мест в лирике А.Жигулина. Однако полную законченность концепция исторического времени получает только в 1980-е годы.

В 1978 году рамках исторической тематики А.Жигулин делает единственную в своем творчестве попытку лиро-эпоса. Такова незаконченная поэма «За други своя», посвященная русско-турецкой войне и освобождению Болгарии. Поэма является этапной в развитии авторской характеристики исторического пространства. Она включает в себя все ранее найденные подходы в раскрытии «исторического» (в частности, определение истории через материальный объект, концентрирующего в себе время), одновременно обозначая на идейном уровне то, чему будет посвящено все последующее десятилетие творчества: место человека в истории.

Не случаен выбор исторического эпизода. Автор, для которого весь мир просвечен болью памяти, описывает не победное шествие русского человека, а трагическое отступление. А.Истогина верно замечает: «Можно было бы избрать для поэмы эпизод победного торжества, но, словно следуя примеру неизвестного автора «Слова о полку Игореве», Жигулин предпочел неравный бой и горестное отступление» (5, 67). Многие критики отмечают неудачу поэмы в контексте всего творчества, в которой стирается лицо автора. А.Истогина пишет: «Здесь между событием и автором, его чувствами слишком большой зазор» (5, 68). Л.Лавлинский: «Показательна – при всех сильных сторонах – и неудача Жигулина, опубликовавшего сейчас первый свой, кажется, эпический опыт <...> Увы, за пределами эпитафии историческое чувство то и дело тонет в шаблонных аллегориях, напрокат взятых из «массовых средств» времен русско-турецкой войны, а то и времен очаковских и покоренья Крыма. «Лихая орда чужеземцев», «невинные младенцы», «смертоносный редут» - словно и не Жигулин! Куда делась неповторимая интонация, где жигулинское страдание? Треск, всеобщие штампы» (1, 43).

Однако неопровержимым достоинством поэмы стало концентрированное воплощение авторских принципов построения истории в литературном произведении. По большому счету поэма по форме является экспериментальной для Жигулина, так как содержательная сторона полностью вписывается в концептуальные установки всего его творчества. В беседе с В.Огрызко поэт говорил: «Я хорошо подготовился к поэме, прочитал множество книг, скопировал военные карты времен русско-турецкой войны, съездил в Болгарию, прошел весь путь Скобелевского отряда при штурме Плевны» (6, 10). Жигулин пытается детально воссоздать события столетней давности, реконструировать атмосферу событий. В том виде, в котором существует поэма, она составляет нерасторжимый сплав документалистики и художественного слова. Стихотворный текст местами разбивается прозаическими описаниями событий (возможно, в дальнейшем они должны были быть переведены в стихотворные строки), каждая глава имеет подзаголовок, определяющий конкретное время событий: «Апрель

1877 года» (2, 313), «Ночь на 30 августа 1877 года под Плевной» (2, 317), «Плевна, 30-31 августа 1877 года» (2, 320), «г. Плевен, 1978 год» (2, 325), в качестве эпиграфов выбраны цитаты, заключающие в себе характеристики времени (Ф. Достоевского, М. Скобелева - участника описываемых событий, и надпись на памятнике русским гренадерам, павшим под Плевной, которая дала название всей поэме: «Больша сея любви никтоже имать, дакто душу свою положит за други своя» (2, 311). Как и знаки духовной культуры (в данном случае - цитаты), документальные источники в лирике А. Жигулина являются неопровержимыми символами времени, его следами, хранящими прошлое (в это же время А. Жигулин использует документальные эпиграфы и в лирике. Например, в стихотворении «Сержант Рыбаков»: «Осмотрено, мин не обнаружено. Сержант Рыбаков... Разминировано. Сержант Рыбаков. Надписи на руинах Вороня, 1943 г.» (3, 68).

В поэме «За други своя» историческое время обозначено А. Жигулиным не только в качестве композиционных элементов, но как бы разлито в самом тексте. То, что Л. Лавлинский называет «всеобщими штампами», по сути, является попыткой, пусть и не совсем удачной (неслучайно поэма осталась незаконченной), реконструкции времени через само слово. Слово, как и материальная вещь, в концепции мира А. Жигулина заключает в себе информацию о времени и его особенностях. Поэтому многочисленные «штампы» в данном случае такими не являются, так как использованы не за неимением авторских средств выражения, а целенаправленно, в качестве семантического заряда времени. Жигулин как бы собирает поэму из ярко выраженной по времени лексики и образной системы. Поэт использует хорошо известные и традиционные образы, фольклорные повторы и эпитеты, прямое и скрытое цитирование народных песен, даже отдельные элементы сюжета являются прямыми носителями истории (так как в целом повторяют сюжеты различных текстов). Каждое слово в поэме как молекула, составляющая атмосферу определенной эпохи. Автор практически отказывается от собственного выработанного стиля. Весь текст, как мозаика, «набран» из различных элементов русской культуры и языка XIX века.

Однако А. Жигулин в поэме не ставит целью просто изобразить время русско-турецкой войны. Основная идея заключается в прослеживаемой связи между прошлым и настоящим, без которой не мыслима жизнь. В эпилоге представлен правнук Федора Микулина, который в сознании читателя мысленно объединяется с дедом и его однополчанами. Как и лирический герой Жигулина 1970-х годов, этот персонаж через столетие в пространстве мира слышит звуки истории:

В гулком эхе притихших
Зеленых кварталов
Все мне слышится имя:
Горталов, Горталов...

В шуме гордого дуба,
Что стар и ссутулен,
Все мне слышится имя:
Микулин, Микулин... (2, 325)

В творчестве А.Жигулина 1980-х в вариантах темы памяти на первый план выдвигается именно человеческая взаимосвязь времени, передающаяся по цепочке от поколения к поколению. Человек продолжает существовать в памяти своих потомков, входит составляющим звеном в их жизнь, которой они ему обязаны. Принцип связи поколений в лирике поэта изначально подан как общечеловеческий закон бытия. Неслучайно поэма заканчивается фольклорным текстом, выражающим общее, присущее каждому человеку сознание и изначально, от рождения заложенный менталитет: «Солдатушки, / Бравы ребята! / Где же ваши деды? / Наши деды – / Славные победы. / Вот где наши деды...» (2, 325). Таким образом, через память потомков прочерчивается связь, личностно скрепляющая время из различных элементов (человеческих судеб) в единое целое.

В поэме «За други своя» поэт достаточно общо обозначил родовую память, с помощью персонажа скрепляющую время. Но лирика Жигулина всегда автобиографична. Поэтому даже в поэме, где задействованы исторические персонажи, появляются биографические «знаки» самого автора (действие поэмы начинается в селе Подгорном, где Жигулин провел свои детские годы), и правнук Федора Микулина невольно ассоциируется с лирическим героем и автором.

В лирике 1980-х А.Жигулин все чаще обращается к теме *своих* предков, ищет устойчивости в историческом огромном мире. Поэту необходимо прочертить генетический стержень, который закрепит его лирического героя во времени не только настоящим, но и в прошедших эпохах. Вновь и вновь он обращается к теме своих предков в поисках истоков собственной судьбы:

Слились во мне запретные две крови.
Дворянка-мать. Отец – крестьянский сын.
Потомок двух разгромленных сословий,
Я представляю нынче их один. (4, 204)

Возможно, из-за того, что по объективным причинам о предках матери было известно больше, чем о предках отца (мать принадлежала к знаменитому дворянскому роду, о котором было многое известно, а отец к крестьянской семье; кроме того, разрыв отца с семьей, несомненно, ослабил связи поэта с его «деревенскими» родственниками), тема предков в основном затрагивает материнскую линию. С предками отца связаны только два стихотворения («Предок» и «На Острожном бугре»), написанные еще в 1960-х годах. В них Жигулин «накладывает» личность персонажа на личность лирического героя, обнаруживая их мировоззренческую общность. Но не подкрепленные биографией поэта (Иван Жигуля – вымышленный персонаж) стихотворения в большей степени заключают в себе только предчувствие будущей исторической концепции, в целом напоминая обратную временную проекцию из настоящего в прошлое (т.е. фактический перенос характера лирического героя на вымышленного предка). В 1980-е годы Жигулин настойчиво подчеркивает документально достоверную принадлежность к знаменитому роду матери.

Мать поэта родилась в семье потомственного дворянина М.Е.Раевского, который принадлежал к древнему роду, «известному в Польше с XII века, в

России с 1526 года, когда Иван Степанович Раевский выехал из Литвы на службу к Василию III (Б.Л.Модзалевский. Род Раевских герба Лебедь. Спб., 1908)» (4, 33). Сведения об этой семье включены во многие словари и энциклопедии. В стихотворении «Белый лебедь» А.Жигулин в качестве эпиграфа приводит цитату из энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона: «Дворянский род Раевских, герба Лебедь, выехал из Польши на Московскую службу в 1526 г. в лице Ивана Степановича Раевского. Раевские служили воеводами, стольниками, генералами, офицерами... По энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона, т.51, с.103-105» (4, 201).

Обозначая свою принадлежность к известному в царской России роду, Жигулин пытается укорениться в истории страны. Он получает возможность почувствовать свою причастность к великим историческим эпохам и лицам. «Раевские были в кровном родстве с самыми знаменитыми российскими фамилиями, - пишет Жигулин, - Так что, среди моих родственников есть, например, - и сам Иоанн IV (Грозный), и Петр I, и все Романовы» (4, 33). Ощущение своей принадлежности к такому роду удивляет самого поэта, перед которым через кровное родство открываются далекие века:

Древний род!
Какая древность –
Близится к пяти векам!

Стольники и воеводы...
Генерал...
И декабрист. (4, 201-202)

Благодаря памяти рода герой А.Жигулина косвенно сам становится участником великих событий прошлого, к которым имеют отношение его предки: «Генерал – герой Монмартра / И герой Бородина. / Декабристу вышла карта / Холодна и ледяна» (4, 202). Родословная в лирике А.Жигулина является не просто частью истории, но ею самой. В силу своей «величины» предки поэта сами по себе уже история, они были не пассивными участниками времени, а действенным началом в мире.

Общечеловеческая концепция исторической памяти в лирике конкретизируется в личностном преломлении. «Болгарская» тема поэмы «За други своя» получает новое звучание, уже не через персонажа, а самого героя, окрашивая историю теплым личностным чувством и приближая достаточно отвлеченную тему к человеку. Через два года после написания поэмы создается примыкающее к ней стихотворение «Сто лет горит лампада...», в котором связь «предки – потомки» подана в границах личности героя:

Поручик Родионов,
Вы слышите меня?
Мы по семье Раевских
Далекая родня. (3, 43)

Память о родном и дальнем – закон жизни героя, продолжающая жизнь предков, «как той далекой жизни / Непозабытый след» (3, 43).

Недавние годы российской действительности разрушили связь времен, стерли ранее органичное чувство преемственности:

На родине, в России,
Просторно и светло.
Фамильный склеп сломали,
И мрамор – на метро. (3, 43)

Поэтому, подчиняясь нравственному закону, собственным волевым усилием А.Жигулин восстанавливает разорванность времени, скрепляет его в единое целое, возрождая разрушенные связи.

Важным для А.Жигулина является и то, что в XX веке он - один из законных продолжателей рода, «наследник» древней семьи, так как все Раевские мужчины погибли «на равнине югославской, / Под Ельцом и под Москвой - / На германской, / На гражданской, / На последней мировой» (4, 202). И право рода перешло к Жигулину:

Но сложилось веками:
Коль уж нет в роду мужчин,
Принимает герб и знамя
Ваших дочек
Старший сын. (4, 202)

Поэтому чувство рода накладывает на поэта и обязанности соответствовать ему, так как он представляет от имени целой семьи с прочными традициями.

Судьба предков вливается в жизнь лирического героя, который продолжает в своей жизни их путь. Большое внимание автора в 1980-е годы занимает фигура его родственника по материнской линии Владимира Федосеевича Раевского, которому посвящены многие строки его лирики:

Знаменитыми были
Далекие мамины предки:
В орденах – генерал;
А в цепях – декабрист и поэт,
Раньше прочих познавший
Тюремные камеры-клетки. (2, 15)

В судьбе прапрадеда поэт видит прямое повторение собственного пути борьбы за правду, истоки собственного нравственного движения. Гражданский подвиг «первого декабриста», который так же, как и А.Жигулин, был поэтом (еще одно значимое совпадение), во многом для него объясняет собственную судьбу: внутреннее стремление к свободе и справедливости было генетически, от рождения в нем заложено. Через годы в поэте проявились моральные и нравственные основы, свойственные его предку. Судьба прапрадеда передалась и продолжилась во внуке, вошла составной частью в его жизнь.

Аналогия между родственниками была замечена не только самим писателем: Б.Эйдельман в книге о В.Ф.Раевском «Первый декабрист» несколько раз указывал на странное совпадение в российской истории – в одном роду Раевских оказалось два опальных поэта, и А.Жигулин повторил путь деда даже географически: из центральной России в Сибирь, вплоть до близости географического расположения конкретных населенных пунктов.

Лирический герой А.Жигулина 1980-х не мыслим вне этой связи, закрепляющей его в большой российской истории. История и личность поэта через родословные связи сливаются в единое целое, а юношеская общественная дея-

тельность поэта, которая была одной из отправных точек его судьбы, становится равноправным звеном цепи исторического развития гражданственности в России. Осознанность неразрывности связей с предками была характерна не только для Жигулина-поэта, но и человека. Неслучайно в деле КППМ А.Жигулин фигурировал сразу под двумя фамилиями – Жигулин-Раевский. Декабристское движение как бы накладывается на современность, повторяется на новом витке истории в жизни потомков. Историческое время, просвечивающее весь мир в творчестве поэта, выходит на поверхность и через самого человека, который является одним из ее носителей.

В лирическом тексте грань, разделяющая героя и его предка, еще более зыбка. В стихотворении «Венчанье декабриста-поэта. 1829», посвященном Владимиру Федосеевичу Раевскому, практически неразделимы субъект и объект события, а временной переход от предка к самому себе почти незаметен. Только слова «наши» и «снова» указывают на него:

И руки, и свечи,
И наши венчальные кольца.
И снова под куполом –
Яркое вспыхнуло солнце. (3, 63)

Весь мир движется по спирали, по сути оставаясь неизменным, а каждый человек проживает заново то, что было уже пройдено раньше. Поэтому связь с предками не только закрепляет человека в историческом мире, а значит и в современности, но она важна и как акт самопознания, раскрывающий тайники собственной души. Взгляд на предков в лирике А.Жигулина – это акт самоуглубления, как медитация в поисках основ самого себя.

Таким образом, лирический герой А.Жигулина 1980-х годов прописывается в большой истории как полноправный ее представитель, а его судьба входит составляющим звеном в историческое развитие, очередной цепочкой подключается к току времени.

Именно в 1980-е годы в лирике А.Жигулина окончательно закрепляется сознание своего жизненного опыта как важной части исторического развития мира: «Я участник большого огня», - скажет поэт. Эпоха, закреплённая в личности героя, в его памяти, позволяет ему подняться на один уровень с героическими событиями прошлого. В стихотворении «Георгиевский крест...» поэт пунктиром прочерчивает время и выходит к себе. В один ряд становятся три медали, обозначающие три известных этапа истории России: георгиевский крест – медали отца – орден «Знак почёта» поэта:

Георгиевский крест –
Награда небольшая
.....
И дед ее берег,
Завертывал в тряпицу,
Как память злых дорог
В болгарскую столицу.
.....
Отец мне передал
Тот крестик в сорок пятом.

Сказал: храни, сынок,
Как и мои медали...
Прошел немалый срок –
Мне тоже орден дали. (3, 57)

В 1980-е годы А.Жигулин еще раз (после кризиса середины 1960-х годов) подводит жизненные итоги. Он пишет стихотворную «Краткую биографию», вмещающуюся в 10 четверостиший, но в которые вошла вся жизнь. Спокойно поэт бросает взгляд назад и в очередной раз обозначает и уточняет свое место в ключевых для себя моментах истории: войне и Колыме, сформировавших его мировоззрение, на которых и держится почти все его творчество. Кажется естественным переход поэта в середине десятилетия к написанию автобиографической прозы (как наиболее детального изображения собственного пути), которую по праву ставят в один ряд с произведениями Солженицына и Шаламова.

Таким образом в творчестве Жигулина самоопределение человека в мире и осознание собственной значимости происходит через понимание исторической преемственности. А память, гарантирующая неразрывность связи «предок - потомок», закономерно становится нравственным стержнем истории.

Литература

1. Аннинский Л. Мера сил / Л.Аннинский // Лит. обозрение. – 1980. – №5.
2. Жигулин А. Соловецкая чайка / А.Жигулин. – М., 1979.
3. Жигулин А. Из разных лет, из разных далей / А.Жигулин. – М., 1987.
4. Жигулин А. Далекий колокол / А.Жигулин. – Воронеж, 2001.
5. Истогина А.Я. Цветущий терновый венец: Творчество Анатолия Жигулина / А.Я.Истогина. – М., 2000.
6. Огрызко В. «Трудная тема, а надо писать»: Беседу с Анатолием Жигулиным ведет Вячеслав Огрызко / В.Огрызко // Жигулин А. Черные камни / А.Жигулин. – М., 1989.